
**ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ**

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: НЕИЗМЕННАЯ ИЗМЕНЕННОСТЬ
ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ¹**

ЗАДОРЖНЫЙ Григорий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, академик Академии философии хозяйства (Россия), академик Международной кадровой академии, главный редактор журнала «Социальная экономика»

*Меч может притупиться о каменность тяжелых,
тянущих вниз мыслей, покрыться ржавчиной,
коль скоро тайна Слова остается невостребованной памятью...
Гул забвения висит над всей историей людей,
забывает наш слух во всякую эпоху.
Свящ. Вл. Зелинский*

*Мы живем в мире **подделок**.
Прот. А. Шмеман*

*Любая новая теория возникает только через преодоление
имеющейся теории того самого предмета.
Э. Ильенков*

*Энергетические, торговые, технологические кризисы
современного мира есть проявления Великой Смысловой Войны,
которая ведется во имя ответа на вопрос:
«Ради чего стоит сегодня жить?».
Н.Б. Шулевский*

Кризисно усложнившаяся реальность весьма четко проявила *неспособность* не только экономика как *неоклассического мейнстрима*, но и сонма других современных экономических теорий, припудренных неоинституциональными «румянами», познавать мир хозяйства человека и разрабатывать практические рекомендации избавления от ныне ускоренно углубляющегося *кризиса жизнедеятельности человека*. В который уже раз взор размышляющих ученых обратился к политической экономии как фундаментальной экономической науке, которая, быть может, все же найдет теоретические объяснения происходящему в начале нового века и тысячелетия, что, в принципе, невозможно исключить из процесса постижительного поиска. Но все же, у не утративших способности сомневаться, критически осмысливать ситуацию возникает ряд мыслей, которые в чем-то повторяют времена начала XX столетия, когда в мыслительной традиции возродилась

¹ Доклад, подготовленный для Первого политэкономического конгресса стран СНГ и Балтии «Социально-экономическое развитие: практические, теоретические и образовательные альтернативы», г. Москва, 16-17 апреля 2012 г.

философия хозяйства как высокая вольная размыслительная трибуна, ставшая сродни университету как центру постижения-добывания-формирования-распространения *цельного универсального* знания.

Тогда казалось, что духовный паралич безвременщины вот-вот начнет уходить в прошлое, но спустя столетие приходится констатировать, что он только разросся, усилился и начал *давить-ничтожить* не только природу, но уже и самого человека и саму жизнь. Сегодняшняя ситуация может сравниться с выжженной пустыней хаотично-разрозненной совокупности знаний с запахом полынной *античеловеческой* тоски, сознательно насильно вытесняющей самого человека-личность за пределы не только научного, но и вообще смыслового континуума, не позволяя разуму не только нырнуть в этот континуум, но даже приблизиться к нему. Следует согласиться с Ю.М. Осиповым, что «и научных теорий нет, ибо нет словесной, образной, воззренческой реальности, а есть бес-словесная, без-образная и без-зренческая ирреальность, которой все более и более соответствует приспособляющееся к ней сознание, а потому и человека в человеке все меньше, зато все больше в человеке античеловека (зверя, пугала, погрешности), а в смеси – постчеловека («пост» и «пуст» – побратимы)»².

Применительно к экономической науке, это реально оборачивается тем, что способы преодоления кризиса упорно ищут среди *тех же самых* способов, которые обусловили его возникновение и углубления, даже не пытаясь выбраться из замкнутого круга традиционного экономического мышления. Одной из главных причин такой самодостаточно-уничтожающей лени инверсии-подражания является утвердившееся за последние четверть века отечественно-стадное *идолопоклонство* заморской нобеленосной апологетике, наглухо закрепляющей (и всемерно и всемирно *оглуляющей!*) за человеком статус СРЕДСТВА стяжания ПРИБЫЛИ любыми путями. Под повсеместно вменяемые рос-козны о демократии, свободе рационального выбора, рыночной экономике человека загнали в заранее запланированное *односторонне-функциональное стойло*, а «ученых» завели в топкое болото теоретической *фальш-панели* модно звучащих *внешних ярлыков* человеческого, интеллектуального, социального, культурного и пр. КАПИТАЛОВ, даже без элементарно-поверхностного понимания того, что речь идет об *одном и том же*, но с разных сторон наблюдаемого. Есть предположение и сильное опасение, что и нынешняя *реактуализация* политической экономии обернется очередной *компанией-профанацией* в этом же изначально заданном процессе³, избравшем расширяющееся *топтание* в наукообразном словокружительном поле превратных форм или симулякров.

Но, с другой стороны, появился и проблеск надежды, связанный со становлением (хотя и весьма медленным) новой *постнеклассической* науки, которая делает первые шаги в направлении *преодоления «научности науки»*, когда в область своих исследований пока еще робко, но все же она вводит вненаучные знания, прежде всего связанные с *духовным* миром, духовной природой человека⁴ как *предфундаментальным* основанием его внутренней целостности и целостности его деятельности как творчества *иначе возможного* (А.С. Панарин) жизнеустроения.

Принципы постнеклассической науки вселяют надежду, что период почти *четырёхвекового беспмятства* в политической экономии того, что человек – *цельное* существо, а не «счетная линейка своих эгоистических интересов» (С.Н. Булгаков), что

² Осипов Ю.М. Смысл и имена // Философия хозяйства, 2011, № 2. С. 12.

³ Не об этом ли свидетельствуют исходные постулаты так называемой «новой политической экономии»?

⁴ Почему-то до сих пор принято не обращать внимания на то, что большинство великих ученых мира, умных и научно образованных людей, которые верно постигли сущность науки и границы человеческой мысли, тем самым освободили в своей душе место *для искренней и чистой веры в Бога* (см., напр., Ильин И.А. Почему мы верим в Россию: Сочинения. - М., 2007, с. 147-150).

разрыв и разделенность – основание деградации и смерти как человека, так и мира, уйдут в прошлое, а экономическая наука наконец-то осознает *не(без)надежность* своего искусственно созданного «экономического» окопа, из которого *горизонта будущего* практически *не видно*. Результатом экономически-окопного, а поэтому и во многом *пре(из)вратного* видения-мышления и стал современный *полисистемный кризис*, основа которого находится намного глубже, нежели говорят экономисты, - в *кризисе духа, духовности*⁵, без которой не может быть ни целостности, ни *благо-*стного жизнетворения.

Сегодня политэкономы и экономисты, по-старинке понимающие *развитие* в русле линейно-количественного прогресса, смотрят куда-то вверх-вперед, произнося ставшие модными заклинания – «Инновации, инновации, инновации!», напрочь забывая, что «нет в мире ничего нового», не понимая того, что выход находится в «творении» *воспоминания* как припоминания-погружения к тому *истоку*, началу, тому времени-пространству, в котором происходило *зарождение* политической экономии как науки о *целостности хозяйства и богатстве человека*. Более того, взгляд наш должен быть обращен не только на четыре века назад, но в глубину нескольких *тысячелетий*, когда микро- и макрокосмы взаимооборачивались, отсвечиваясь и обогащаясь друг в друге. Вне этого воспоминания-погружения-восхождения *однoboкoe* экономическое мышление опять двинется по очередному замкнутому кругу, но практическим результатом будет уже не кризис, а *ничто*, в котором ни человека, ни жизни уже не будет (да и мыслить-говорить об этом будет просто некому).

Любая наука, как и экономическая в частности, есть порождение процесса *объективации*, который всегда *про-является* как *разрыв, разделенность*, в лучшем случае как незамечание того *предначального единства*, которое пред-обитает в мире *нуменальном*. Феноменальный мир есть некое отражение как бы в «кривом зеркале» формируемых человеком понятий о мире нуменальном. Эти понятия вмещаются в общественное и индивидуальное сознание и через них человек, якобы, воспринимает реальность. Так удобно, так привычно, так комфортно. Но *правдиво ли? Истинно ли?* Эти вопросы сегодня мало кого интересуют. Главное – чтобы просто, схематично понятно, без особых мыслительных усилий и напряжений. Результат – соответствующий. А поэтому нечего стенать: кризис, кризис, кризис..., ибо на этом уровне есть еще и «халва»: инновации, инновации, инновации! Круг как бы замыкается, но почему-то во рту слаще не становится, а *жизнь* лишь *ухудшается*, уже и не замечая человека. Да и сам человек по крупному счету уже вовсе и *не человек* – он все больше техновей, техночек, интеллагент, гомутер, т. е. простая функция от техноса. Любая *про-двинутая*, т. е. перешедшая меру, функциональность служит *у-ничто-*жению целостности.

Здесь-то и кроется самая большая *опасность* для политической экономии: она разворачивается в сторону *креатосферы*, которая действительно есть, но уровень ее опять-таки упрощенно-поверхностный, *односторонне* – интеллекто-логично-расчетно пытающийся (не)отражать сущность; уровень, уводящий от почти забытой сегодня *субстанции*, т. е. выпячивающий на первый план такого себе человека-креатора, увлеченного творчеством-наращиванием *внешних* форм (они же – столь «желанные» инновации, но и пре(из)вратные формы). Иными словами, в понимании человека наблюдается *прогресс*: его био-социальная мерность внешне «переходит» в био-социо-*техническую* мерность, но, по сути, здесь человек

⁵ Говоря о духовном кризисе человечества, И.А. Ильин писал, что «люди нового времени изощрились в изучении материальной природы и в технических изобретениях и незаметно оказались в состоянии детской беспомощности в вопросах *духовного опыта, духовной очевидности* и *духовных умений*. Преодолеть этот кризис можно только одним способом: *вернуться к этим благородным и чистым источникам духовного опыта, пробудить их и творчески зажечь ими*» (Ильин И.А. Почему мы верим в Россию: Сочинения. – М., 2007, с. 153).

остаётся все той же *социо-мерностью* в рамках *материалистически* ориентированной политической экономии. Именно прогресс, но уж вовсе *не развитие*.

Объективация здесь достигает своего апогея, ибо для *техночного* человека связь с нуменальным миром не просто не важна, но *вредна*: усилия «отданы» технике, пусть она «напрягается», вовлекает, определяет, (противо)жизнетворит... Техника «выдает» модель; в своем модельном ряду моделирует уже и самого человека, самоцельно-задано «подгоняет» его под требуемую ей опять-таки модель. И велика вероятность и опасность, что в направлении «переваривания» этого пути и последует политическая экономия, заранее направляясь *в очередной тупик*. А ведь, по сути, речь идёт *о власти над властью*, ибо её осуществляют теории. Но неосознанная *беда теорий* (а вернее – их разработчиков-объяснителей), как и всей науки, заложена в их неявной задаче – «обеспечить всемерное усиление власти над людьми без понимания того, чем это усилие может закончиться»⁶. Для четкого понимания последствий не скользить по поверхности надобно, а опускаться-углубляться-восходить к *первоистокам*, смыслам, человеческим ценностям. К *смыслам* единого *целостного блага*, которое по сути своей уж вовсе не материальное, да и совсем не экономическое, но и через экономическое, и при помощи экономического.

В формате постнеклассической науки открывается возможность *иного* движения политической экономии, иного понимания содержания процесса объективации через *уподобление* Преданию, которое «продолжается» в *изменении неизменного* не через восхождение на более высокую ступень, но посредством *возвращения к первоначальной глубине истока*. Для политической экономии здесь важно и необходимо вернуться, вспомнить тот исток, из которого, собственно, вышла и сама наука о *богатстве* и само изначальное понимание богатства, еще *не извращенное* его превратными материальными формами. Но движение к истоку – движение к *тайне*: ведь хозяйство – тайна, богатство – тайна, личность – также тайна. И, видимо, нынешнее новое обращение к политической экономии говорит о том, что тайна за все эти четыре века осталась *нераскрытой*, непонятой. Теперь будто бы настает время для того, чтобы через новое напряженное усилие узнать, отворить дверь для подлинного разумения той тайны, которую скрывает политическая экономия, но которая так и *не далась* предстать в некоем иносказании, ибо *усилий* для ее постижения-утверждения употреблено было *недостаточно*. Да и внимание на ней самой вряд ли способствует ее раскрытию, так как она потому и тайна, что существует в *чем-то ином*, в этом ином претворяется-реализуется, маскировочно затемняя саму себя от *поверхностно* смотрящих глаз. И ум наш должен уразуметь это прежде, чем пускаться в поверхностное плавание по уже *якобы* нарисованным картам, которые, подобно нынешнему ледовому покрову Антарктиды, скрывают то первоначально бывшее, которое отражено на карте 1513 года турецкого адмирала Пири Райса.

И направление движения к разгадке тайны было уже неоднократно указано, но осталось *незамеченным* для большинства политэкономов. В новейшее время путь указан профессором Ю.М. Осиповым, но политэкономы ступшевались видимо потому, что этот путь лежит больше *за пределами традиционно* понимаемой самой политической экономии, нежели в ней самой. Правильнее: в ней самой, но через ее пре-одоление, через снятие того *разрыва*, разделенности, который когда-то учинили *ради упрощения* понимания и за который так ратуют до сих пор политэкономы, упорно не соглашаясь с тем, что «в самой что ни на есть экономической хозяйственной реальности многое, - и как выясняется – очень многое, если не основное и главное, - экономическим вовсе не является», ибо «экономический мир сам по себе – совершенно *идеальный мир*, это мир *идеальной субстанции*... мир идеальных элементов и параметров... все собственно экономическое – *идеально!*»⁷. Но идеальное в

⁶ Шулевский Н.Б. Власть в поисках... самовластья // Философия хозяйства, 2011, № 2. С. 22.

⁷ Осипов Ю.М. Что есть экономика вообще и что она есть сегодня // Экономическая теория: истоки и перспективы. – М., 2006. С. 931, 936.

механико-материалистически изначально настроенной экономической науке, в традиционно понимаемом научном поле политической экономии однажды оказалось и продолжает оставаться *за пределами* самой науки. Хотя сама по себе наука есть сфера *идеального, духовного*, но ортодоксы от науки этого до сих пор *признавать не желают*. Им подавай «материю» даже в том случае, когда они, прижатые «к стенке» результатами новых экспериментальных исследований, рассуждают о духе, метафизике, сакральном и трансперсональном, но цепляют всем этим феноменам, являющимся нашему сознанию, *ярлык «тонкой»*, но все же *«материю»*⁸.

Приступая к осмыслению проблем необходимости *реактуализации* политической экономии, следует пройти через воспоминание-углубление-осознание, по крайней мере, трёх пластов. *Во-первых*, весьма необходимо вспомнить *первичное предметное поле*, в котором «явилась» политическая экономия и произошло первичное её выделение-отделение в зарождающемся научном мире, но как определенный *обобщённый итог* предшествующего развития человеческой мысли. В этом пласте истоком предстает происхождение самого названия науки «политическая экономия». *Во-вторых*, следует осознать то, что политическая экономия родилась в лоне *западной* культуры, которая «присвоила» эту науку и задала ей соответствующую специфику. Внутренне не разобравшись в этом, мы мало что можем понимать, ибо нам дано *иное* миропостижение, весьма отличное от западного. Но мы всё более упёрто-тупо пытаемся жить *чужим* – западным *умом*, от чего жизнь превращается в напряженное физическое *выживание в деградирующем по чужим лекалам поле культуры* и *сломе-распаде собственных идентификационных механизмов*. Без осознания этого основоположного аспекта мы *всегда обречены* лишь на *подражание-копирование-ухудшение*, но не на поиск самого оригинала и возрождение-развитие. Не умея мыслить по-западному, мы пытаемся вылезть из кожи и неумело подражать. А следует ли так *опускаться*, не уважая, а явственно *принижая себя*, роняя своё *достоинство, честь, образованность*? *В-третьих*, нужно всегда помнить, что политическая экономия – наука *методологическая*⁹, фундаментальная, т. е. в поле её исследований находятся *основоположные* проблемы *целостной* деятельности человека. Она призвана вооружать другие экономические науки *смысловым* знанием, скрытой от поверхностного взгляда *истиной*, постоянно ведя глубинный *метафизический* поиск.

Попытаемся порассуждать об этом подробнее, а тем самым и помочь определить главный *вектор* необходимой современной реактуализации политической экономии.

Название «политическая экономия» вовсе *не произвольно*, а *предметно задано* названием изучаемой сферы, где главная *смысловая* нагрузка связана с *домом*, домашним *хозяйством*, а *дом* – это, прежде всего, *пространство жизнедеятельности-очеловечивания*, т. е. тот длящийся процесс, который «идёт» *изнутри* человека, оживает, становится *человеческо-человечным пространством-богатством*, удерживающим *внутри* себя *целый мир*¹⁰. Поэтому первый и главный методологический момент реактуализации политической

Следует также здесь напомнить, что и само мышление человека, включая и научное, «только тогда на высоте, когда оно способно подниматься от конкретно-чувственного к крылатому и интуитивно насыщенному отвлечению, сосредоточиваться на *духовных* содержаниях, пребывать в них, созерцать их и познавать их» (Ильин И.А. Почему мы верим в Россию: Сочинения. – М., 2007, с. 154-155).

⁸ См., напр.: Югай Г.А. Голография вселенной и новая универсальная философия. Возрождение метафизики и революция в философии. Общая метафизика. – М., 2007.

⁹ Нацеленная на изучение метода, а *метод* (греч.) буквально означает «*путь вслед за чем-нибудь*». Вслед за *чем* познает *путь* политическая экономия? Вопрос не только интересный, но, на мой взгляд, *сущностный*.

¹⁰ Развернутое содержание понятия «дом» см.: Осипов Ю.М. Дом // Философия хозяйства, 2008, № 3, с. 173-179. Но нынешняя ситуация крайне обостряется тем, что сегодня «сфера деятельности человека превышает сферу его жизни. *Мир перестал совпадать с нашим*

экономии состоит в том, что, мысленно возвратившись к *первоистоку*, надо четко **задать формат постижения-мышления** и постоянно «держать его в уме», находиться в нем, не допуская смещения-упрощения через выпячивание чего-то частного, а тем самым *превращая средство в цель*¹¹. Формат здесь только один: *дом, хозяйство* как нечто именно *человеческое*, а стало быть – *человек* в процессе *домо-* или *хозяйствотворения*. Формат прибыли, денег, капитала – формат *искаженный*, превратный, поверхностно-обслуживающий, а поэтому это формат не *целей-ценностей*, а всего лишь *функционально-рационализирующий*, т. е. средство-выражающий, обслуживающе-обеспечивающий движение к ценностным (человечным) целям. Дом, хозяйство – *система координат*, которая *изначально* ставит человека, его *личность*¹² исходной «точкой отсчета» всей целостной деятельности по творческому преобразованию мира с целью производства благостного богатства. Здесь, говоря словами П. Тейяра де Шардена, *человек – центр перспективы и центр конструирования универсума*.

Все *иные системы координат* мышления-познавания направлены *против* человека, природы как его Дома, против самой Жизни. Именно в системе мышления «ДОМ» и должны определяться предмет и поле размышлений политической экономии, если она не хочет дальнейшего своего *вырождения* в абстрактно-схоластическое линейное теоретизирование (что сегодня уж явно представлено и совсем уж далеко зашло), служащее ржаво-устаревшим инструментом идеологической апологии прибыли и капитала. Это значит, что *вне духовно-идеального*, метафизического основания любые теоретические построения *извращают* реальность, смысл хозяйствования человека, его целостную триипостасную *духовно-био-социальную природу*¹³, несут потенциальную и реальную *опасность* человеку и миру, ибо

Домом» (Кутырёв В.А. Модернизация: против бездумного инновационизма – за контролируемое развитие // *Философия хозяйства*, 2011, № 2, с. 67).

¹¹ «Корень зла здесь, как и во всей экономической сфере, один и тот же: превращение материального интереса из служебного в господствующий, из зависимого в самостоятельный, из средства в цель» (Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра. – Мн., 1999, с. 770).

¹² Здесь речь идёт не о *концепте* личности, а о личности в том понимании, которое открыло и ввело в процесс постижения мира *христианство*.

¹³ Раскрывая *ипостасность духа* в человеке, С.Н. Булгаков писал: «*Человек есть ипостась, лицо, личность. Она имеет свою глубину и поверхность: под сознанием лежит неопределенное количество слоев бессознательной, вернее, предсознательной или сверхсознательной жизни. Личность, ипостась, не исчерпывается наличным сознанием, которое есть лишь феномен или модус личности, однако всякое содержание сознания облечено формой ипостасности, переживается, как состояние личности. Но что же такое личность? Что такое я? На этот вопрос не может быть дано ответа иначе как внутренним указательным жестом. Личность неопределима, ибо всем и всегда определяется, оставаясь, однако, над всеми своими состояниями или определениями. Личность есть каждому присущая и неведомая тайна, неисследимая бездна, неизмеримая глубина. Она абсолютна в потенциальной значимости своей..., но всегда относительна и ограничена в актуальности своей... Личный характер бытия, свою ипостасность, мы даже гипотетически не можем удалить из живого сознания... Свою ипостасность, или личность в себе, человек знает как нечто совершенно абсолютное, вечное в смысле вневременности, для чего он не может помыслить ни сотворения, ни уничтожения, вообще связать ее с потоком временности. Этому совсем не противоречит, что эмпирическая личность меняется и развивается во времени, ибо есть вневременная точка ипостасности, «зритель», который *не из времени* смотрит *во время*. Человек абсолютно *не верит* временности своей личности и ее уничтожимости. Идея конца – не в смысле катастрофы, но в смысле абсолютного уничтожения – *невместима* в ипостасное сознание, которое одинаково не знает как конца,*

подрывают не только понимание человека как *личности*, но и процесс ее саморазвития и самореализации.

До сих пор политическая экономия исходила в основном из *упрощенного* понимания дома как некоего объемного *материального* сооружения, изолированного от среды, не обращала особого внимания на духовно-идеальную начинку того, что локализовано в доме. Главное в понятии дома – его *духовно-сакральный смысл*. С ним, собственно, связано и первоначальное право на собственность как понятие и установление *чисто религиозное*, отнюдь не внешне-юридическое. «Имущество недвижимое, а в особенности земельное, было предметом особой бдительности духовного мира, ибо в земле ведь лежали кости почивших и потому приобретших сверхъестественное могущество владельцев ее, и могилы их были престолами, а окружающая их земля – храмом; дом же сынов и внуков этих владельцев, управляющих священным имуществом, был тоже храмом, возникшим как покров и ограждение *святейшего средоточия всего само-замкнутого культа* – священного очага, которому *жречествовала семья* потомков тех усопших»¹⁴ (выделено мной – Г. З.). Поэтому дом, хозяйство и собственность, владение являются теми *перво-*терминами, которые и задают, и отграничивают *поле* исследований политической экономии, которое вовсе не сводится к чему-то *материальному*, хотя и выражается *вторично*, производно в нем. «Именно домашняя религия научила человека сделать землю собственностью и обеспечила ему право над нею... Термин [предел, предельное значение культуры – Г. З.] есть *душа* культурного участка земли со всем его содержимым и, как душа, не только облекает свое тело, будучи пределом его периферии, но и живет в самой сокровенной глубине его: это знаменуется пребыванием одних и тех же домашних божеств и на периферии поля и в самом средоточии его, над священнейшим домашним очагом»¹⁵. Политическая экономия до сих пор пользовалась категорией дома, не вникая в суть и не придавая ему *перво-*смысла, т. е. не исходя из его *образа*. Отсюда и односторонность, и полуфундаментальность, и механистическая материальность устремлений, и в конечном итоге *тутиковость* предшествующего движения, обернувшаяся не просто кризисностью самой экономической науки, но *кризисностью миропонимания*.

Но понимание всего этого ныне с предельной очевидностью проявившегося «достояния», сопровождалось и *иным* процессом осмысления-углубления, который сегодня, после озвучивания гипотезы о существовании *унов* как *собственно человеческого* в человеке¹⁶, вышел на сущностно-глубинный уровень познания, объективировано представленный ипостасностью троиственности «*гены – мамы – уны*». К почти аналогичному пониманию привел и *иной* вектор размышлений по линии «социальная экономия – хозяйство – духовность», где собственно человеческое – *человечность* – выражено в гипотезе о предопределяющей - *духовной* - константе антропного принципа¹⁷. Постнеклассический формат осмысления позволяет понять, что «опускание» в глубины человеческой духовности одновременно есть неизбежный процесс «*поднимания*»,

так и начала» (Булгаков С.Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. – СПб., 2008, с. 383-384).

¹⁴ Флоренский П. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. – М., 2009. С. 219.

¹⁵ Там же. С. 223.

¹⁶ См.: Тарасевич В.Н. О триединой субстанции и тайне институтов // Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія: економічна. Випуск 40-2. – Донецьк, ДонНТУ, 2011. С. 76.

¹⁷ См.: Задорожный Г.В. О нравственной константе антропного принципа и государстве гармонии как насущном проекте спасения-служения-возрождения украинской нации // Социальная экономика, 2011, № 2; Задорожный Г.В. Хозяйство как «поле» реализации духовно-нравственной константы антропного принципа (о методологическом основании выхода из кризиса экономической науки) // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія «Економічна, 2011, № 961.

восхождения к тому, что *выше человека*, к движению *вгоре*. Тем самым открывается-вспоминается *глубинный смысл истинно человеческого*: «человечность не есть то, что называют гуманизмом или гуманитаризмом, она есть богочеловечность человека»¹⁸.

И вот здесь несколько приподымается тайный покров: почему гены, мемы, уны? Потому, что в них (и через них) *преемственность и подобие*, т. е. *образ*. Образ человека, а не некий симулякр, как то: «человек экономический» или «человек институциональный». «Симулякр – это не образ без подобия. Для того чтобы был образ, нужно, чтобы был не оригинал, не предмет, а нужна, по словам Канта, трансцендентальная схема. Образ, у которого нет трансцендентальной схемы, - это не образ. Это имидж, симулякр, т. е. копия, которая не предшествует оригиналу. Вот из таких копий, имиджей, ролей, т. е. без образов и образов без трансцендентальных схем, и состоит социальная реальность»¹⁹. Она не более чем *иллюзия*, объективированная в *институтах*, обычаях, нормах, а «любой социальный институт обязан своим существованием не социальному, а практически оправданным иллюзиям человека, его ожиданиям»²⁰. Социальность, социализация (собственно на этом и настаивал марксизм²¹) – та вторая (после разделения А. Смитом богатства и нравственности и разведения из в разные стороны) бифуркационная точка, после которой (в *западной* культуре мысли) *человек полностью уходит во внешнее*, ибо «социализация подчиняет воздействие на себя воздействию на другого. А это значит, что внутри социального всегда будет находиться несоциализируемая антропологическая стихия человека как его материя и исток»²². Но эта «антропологическая стихия человека как его исток», оказалось, *не «по зубам» западному* исследователю, который остановился лишь на уровне *психического* и удовлетворился *прагматично* настроенной психотерапией как *временным* пристанищем-комфортом, где дом – всего лишь «*моя крепость*»²³.

Специфика западной науки состоит в том, что она изначально формировалась как некое поле создания *концептов*. «Концепты появились именно в евронауке, в рамках которой невозможно знать предмет и в то же время понимать смысл знания, его прародителей: если знаешь, то не понимаешь, если понимаешь, то практически обесцениваешь знание. В евронауке есть некая тайна, проявляющаяся только в негативных последствиях этой науки. И эта глубинная тайна евронауки обитает в концептах, которые обладают смысловой значимостью лишь в той мере, в какой они не воплощены ни в вещах, ни в знании, ни в слове»²⁴. «Экономический человек» - один из первых концептов, концептуальных персонажей, погружающий доверившихся ему субъектов в хаосный виртуальный мир, где *непонимание*²⁵ является *субстанцией* искусственной жизни. Именно с этого концептуального

¹⁸ Бердяев Н. Царство Духа и царство Кесаря. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. – М., 2006. С. 258.

¹⁹ Гиренко Ф.И. Почему закатилась звезда социальных наук? // *Философия хозяйства*, 2008, № 3. С. 128.

²⁰ Там же.

²¹ Весьма отчетливо об этом см.: Ильенков Э.В. Что же такое личность? // Ильенков Э.В. *Философия и культура*. – М., 1991.

²² Гиренко Ф.И. Почему закатилась звезда социальных наук? // *Философия хозяйства*, 2008, № 3. С. 129.

²³ Не поэтому ли население самых богатых в материально-денежном отношении стран не является самым счастливым и весьма страдает множеством психических расстройств и ростом проявлений девиантного поведения.

²⁴ Шулевский Н.Б. «Общество знания» или «общество непонимания»? // *Философия хозяйства*, 2010, № 6. С. 34.

²⁵ Поверхностность и непонимание являются характерной чертой американского образа мышления и культуры, которые посредством неолиберального глобализма насаждаются во всем мире. Один из авторитетнейших проповедников и богословов в США, декан Свято-Владимирской семинарии в Крестовде и почти бессменный секретарь Совета епископов

персонажа начинается *массированное наступление* на мир понимания и смыслов, которое в начале нашего века предстало в концепте *человека непонимающего*, как необходимого, а порой уже даже и избыточного «человеческого фактора» (не субъекта!) в техносфере, где собственно и сама социальность, и человек как таковой уже практически *не нужны*²⁶.

У нас «антропологическая стихия человека как его исток» иная: хозяйство как *макрокосм*, как поле жизнедеятельности-жизнетворения, где «пахарем» была русская религиозная философия, а потому *вне* ее видения-понимания все постепенно превратилось в *подражание* поверхностно-упрощённому, схоластичному, концептному, а потому обернулось неким имяблудием и блудомыслием (Ю.М. Осипов), которое в апогее сегодня явлено *экономикс*-ической теорией-апологией как неким *экономизм*-ическим гламуром идеологических румян.

Нынешняя отечественная экономическая наука, прежде всего экономическая теория, в угаре подражательства, в кругу словоблудия, в плену недомыслия, перефразируя Ю.М. Осипова, утратила связь с реальностью, заменила ее мириадами слов-значков (институт – ныне наиболее модно-распространенный значок-вирус), стараясь ошарашить изысканной абракадабрикой (напр.: *целостность био-социо-экономического агента*), а в результате в человеческом сознании взгромозила огромную кучу имяславского мусора из имён-пустоток, имён-симулякров, имён-мотыльков в мелькании смысло-оборотней, подчиняющих и добывающих человека. В современной экономической теории представлен Мир-оборотень, как и сама она уже стала частью этого искусственно-виртуального мира, где «никто ничего и никого не понимает, никто никого ничему не учит, никто никому и ничему не верит!»²⁷.

Американской Митрополии прот. А. Шмеман писал: «Меня поразило в Вильсоне, этом «властителе дум», создателе репутаций и «трендов», шаткость, если не отсутствие, сколько бы целостного мировоззрения и, следовательно, критериев, перспективы, всего того, что необходимо для *оценок* и *понимания*... Пустота, знающая свою пустоту и на ней, ничтоже сумняшеся, строящая какие-то оценки, принципы и т. д.», а американская «культура» как попытка эту пустоту не преодолеть, а «заговорить» объяснениями ее. В сущности, *шизофрения*. Новая западная культура – *шизофреническая* и потому *клиническая*. Всегда на грани безумия, саморазрушения, самовзрыва. И самое жалкое, самое пустое в ней – именно ее «рационализм», который, потому что он ничего не разрешает, вечно размывается «иррационализмом». «Культурность, однако, это не просто *знание*, это приобщенность к *внутренней жизни* мира, к «трагедии» (в греческом смысле) человеческой истории, человеческого *рода*» (Шмеман А., прот. Дневники, 1973-1983. 3-е изд. – М., 2009, с. 566, 645).

²⁶ «Тело человека, его духовные, социальные, половые, национальные, возрастные даже творческие качества прогрессу уже не нужны, ибо он пошел виртуальными тропами Сети и хаоса, в которых все кошки серые и не мяукают» (Шулевский Н.Б. «Общество знания» или «общество непонимания»? // Философия хозяйства, 2010, № 6, с. 43).

²⁷ Осипов Ю.М. Смысл и имена // Философия хозяйства, 2011, № 2. С. 11.

Не потому ли несколько провокативно, но схватывающим суть происходящего, звучит мысль о *цели искусственно заданного-созданного* кризиса современного экономического образования: «Системе нужны биороботы, а не творческие думающие личности. Я постоянно говорю: самым ценным ресурсом так называемой «рыночной экономики» (кодовое название капитализма) являются дураки (в «экономикс» они носят кодовое название *homo economicus*). Поскольку число дураков (умственно отсталых) от общего количества рождающихся составляет доли процента, то мировая финансовая олигархия в XX веке поставила их производство на массовую, конвейерную основу. Основные предприятия по производству этого товара – университеты, особенно экономические факультеты и разного рода экономические школы при университетах» (Катасонов В. Кризис современного экономического образования как шанс на спасение человечества // http://ruskline.ru/analitika/2011/12/08/krizis_sovremennogo...).

Осознание содержания истока политической экономии в современном актуальном свете-понимании основной проблемы хозяйствования человека позволяет утверждать, что суть нынешней реактуализации нашей науки сводится к всемерному осмыслению *самой насущной* проблемы для нынешнего всё ещё человека – проблемы *очеловечивания* (как самого человека, так и окружающей его природы как сферы его жизнедеятельности), а поэтому предметным полем остается сфера производства *богатства*, но понимаемого в своей высшей (не просто синтезной, а *симфоничной*) форме – богатства именно *человечности*. Тем самым актуально уточняется-определяется и само нынешнее название науки: *политическая экономия человечности*, а мы остаемся пребывать в *неизменности* измененности её предметного поля, ибо познание, оставаясь в его *фундаментальном формате*, *актуализирует* наиболее *сущностную структуру* – именно то, что обусловило и породило саму науку как особую деятельность по *служению человеку*. Но специфика состоит в том, что в силу развития самой реальности, в науке во все предыдущие времена усилия направлялись на нечто *внешнее* человеку²⁸, что, с одной стороны, обуславливалось относительной «легкостью» видения-исследования *окружающего* видимого мира; с другой – практической установкой на «преобразование» этого *внешнего* мира для комфортного существования человека. Поскольку же это «преобразование» к началу нового века обернулось не просто каким-то отдельным кризисом, а *целостным кризисом техностной деятельности*, подрывающим сами *основания жизни* человека, то и вектор научных усилий *кардинально меняется*: изучение окружающего мира остается важным, но *приоритетно-императивным* становится познание *внутреннего* мира человека, того мира, который именуется *духовным*, и которому механистически-материалистическая наука до сих пор *отказывает* в существовании и объяснении²⁹.

Здесь уместно привести слова известного современного космолога А.Д. Линде: «После создания единого геометрического описания слабых, сильных, электромагнитных и гравитационных взаимодействий (единой теории поля) не станет ли следующим важнейшим этапом развития единого подхода ко всему нашему миру исследование *внутреннего мира* человека?»³⁰ (выделено мной – Г. З.). В этих словах отражается актуальность постнеклассической науки, но они есть и свидетельством той «медлительности» научного познания, которая, по крайней мере, *на столетие отстала* от размышлений-учений *русских философски-религиозных мыслителей*, которые были выдворены советской властью, а их

²⁸ Углубление современной науки в микро-, макро-, наномиры – продолжение той же тенденции, но во многом направленной *против человека*, ибо, с одной стороны, кардинально сужается поле физической деятельности человека: он становится практически излишним «ртом», а с другой – последствия такого прогресса невозможно предвидеть и оценить: отходы производства в наномире, по-видимому, в миллиардной степени умножают риски и опасности для человека.

²⁹ Но ведь «бытие не исчерпывается логически определимым предметным своим содержанием, а имеет еще иное измерение *вглубь*, выходящее за пределы всего логически постижимого и открывающее нам его внутреннюю непостижимость». Видимо, одной из главных причин игнорирования традиционной наукой духовной реальности является невозможность применения логического мышления в процессе познания духовных процессов, но «кто имеет хоть малейший опыт реального духовного бытия, имеет тем самым опыт видения неких бездонных глубин, непроницаемых для логической мысли» (Франк С. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. – М., 2007, с. 291).

³⁰ Цит. по кн.: Лебедев С.А., Лазарев Ф.В. Многомерный человек: онтология и методология исследования. М., 2010. С. 12. Об этом же писалось мною в течение последних шести лет и особенно содержательно было раскрыто в докладе «Трансперсональная психология как фундаментальное основание новой парадигмы экономической науки: о необходимости изучения духовного мира человека и перехода к социальной экономике» (см.: Социальная экономика, 2009, № 2).

творческое наследие до сих пор *не стало* объектом изучения-осмысления³¹. Но «двигаться» в постижении внутреннего мира человека, в котором *предзадана человечность* как истинное богатство, *вне* исследования этого творческого наследия вряд ли возможно. Настоятельная необходимость такого осознания-размышления обусловлена тем, что пришло четкое понимание *явной поверхностности нынешней экономической теории* с ее модно-гламурными формами монетаризма, индексизма, неонституционализма³² и пр., которые воспринимают в лучшем случае поверхностную рябь океана, не опускаясь в его глубинные слои, туда, где коренятся *истоки жизни*. Политическая экономия человечности может открыть доступ к этим глубинным слоям, истокам истинного богатства, которое ещё только *предстоит* осознать и утвердить в этом мире. Такие возможности напрямую связаны с принципами исследования постнеклассической науки³³.

Главная *хромота-беда* сегодняшней политической экономии видится в том, что она уже не одно столетие «вращается» в орбите идей, взятых *отвлеченно от человека* как *целостного* существа (он представлен лишь в качестве *функционального агента*), от хозяйства как Дома человека, как всей его сферы творческой жизнедеятельности, а поэтому в ней отсутствует *интуиция конкретной жизнеспасительной правды*, «приходящая» человеку

³¹ Может ли считаться *образ-ованным* человек, который только лишь *зомбирован* определенной совокупностью *поверхностной информации*? Может ли *образ-ование* состояться *вне* постижения содержания русской философско-религиозной мысли, т. е. без изучения и понимания работ Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка и других мыслителей конца XIX - начала-первой половины XX века? Я крайне не убежден в этом, ибо знание множества поверхностной информации без понимания *внутреннего мира человека*, его *духовной ипостаси* обрекает любое знание на половинчатость, односторонность, схоластику, поверхностность, схематизм. И от этого никуда не деться, несмотря на всю высокопарность наукообразных слов (*словей*).

³² Главное *методологическое упущение* современного неонституционализма состоит в игнорировании того, что *институт как норма*, правило «находится» где-то только на *тринадцатом* *поверхностном уровне* личностной актуализации и реализации. Здесь явление сущности «проходит», как *минимум*, следующие *уровни*: единство безусловного бытия (всеединство); смысловой континуум; морфологические поля; сознание; «гены-мемы-уны»; «мемы – уны»; архетипы; ценности; мотивы; потребности; интересы; психосоциокультурная матрица, и лишь затем следуют институты. Конечно, выделение этих уровней имеет теоретико-аналитическую цель, но оно необходимо, если стоит задача *научного* познания-объяснения сути института как *определенной жизнедеятельностной формы*, производной от сущности, природы человека, творящего хозяйство, от реальностей *очеловечивающегося* мира. При этом важно воспринимать именно *условность* такого деления-понимания, ибо между выделенными уровнями *точные границы* не могут быть определены, так как само понятие «точная граница», непосредственно заимствованное из области пространственных отношений и вполне подходящее лишь к области чисто *логических* отношений, не приложимо без надлежащих оговорок ни к чему конкретно-реальному и живому; в данном случае к *реальностям духа*, духовного (см.: Франк С. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. – М., 2007, с. 295).

³³ Сегодня отдельные философы выступают против самого названия «постнеклассическая наука», видя в нем нечто инфернальное. Но суть-то здесь другая: это такая наука, которая, включая в себя собственно науку, как бы преодолевает ее за счёт взаимодействия с *вненаучным* знанием, прежде всего религиозным, откровенческим. И в таком качестве эта наука уже переходит в *мудрость*, вне которой постижение богатства человечности вряд ли возможно. Откровенческое знание обретается также *опытом*, но *опытом духовно-личностным*.

изнутри, а не от внешних каких-то сил³⁴. Человек, которого посещает такая интуиция, - вовсе *не фактор* производства и *не экономический агент*, а *личность*, суть которой не есть социальные (общественные) отношения, а предопределяется *глубинными духовно-нравственными ценностями*, «формирующимися» на уровне *взаимодействия мемов и унов* и «открывающихся» посредством *самопостижения* личности как *микрокосма*. «Бытие человека не ограничено тем, что он есть природное существо; именно в качестве *личности* он есть существо *сверхприродное*, родственное Богу и имеющее основой своего бытия самого Бога. В сущности, исторически из этого открытия, из этой благой вести родилось само *понятие* личности – само опознание человеком самого себя, своего внутреннего существа, как того несказанного высшего начала, которое мы называем личностью. Ни античный, ни ветхозаветный мир не знал, по крайней мере отчетливо, человека как *личности*; эта идея внесена в мир христианством, благой вестью, принесенной Христом»³⁵. Но современный человек, потеряв память о своем происхождении и основании, осознавая себя личностью, полностью начал ощущать свое трагическое одиночество в бытии. Только осознание глубочайшего смысла благой вести, метафизической глубины бытия, восхождения к себе *именно в качестве личности* есть для людей «освобождение от кошмара заблуждения, тяготевшего над нашей жизнью, истинно спасительная весть о подлинном, онтологически утвержденном корне нашего бытия как личности»³⁶.

В личности действительно дан, представлен образ и подобие Божие, выражена абсолютная божественная первооснова бытия, а поэтому истина об этом «не может быть просто утверждением или учением. Она должна быть дана нам прежде всего в форме *откровения*. Откровение – ... есть такое познание, в котором реальность *открывается* нам в той форме, что *сама себя открывает*, обращаясь к нам, духовно внедряясь в нас и действуя на нас. При откровении мы имеем познание реальности не через *наше умственное овладение ею*, а, наоборот, через *ее собственное присутствие*, через *ее активное овладение нами*, в силу чего исчезает всякое сомнение в истинности познания»³⁷. И в этом плане личность предстает как единственно адекватное выражение истины не как внешнего раскрытия реальности через нашу мысль, а как *«такое ее самораскрытие* или откровение в нашем самосознании, *через которое мы преодолеваем шаткость нашего бытия, приобщаясь изнутри к подлинной реальности*. Истина есть приобщение к свету, внутренняя озаренность нашего сознания, открывающая нам правильную, осмысленную, «истинную» жизнь»³⁸. Такая истина не просто дает нам знание, а дарует *мудрость*, основанную на *ценности*, присущей *самой реальности* и совершенно независимой от фактического человеческого ее признания, ценности как некой «святыне», почитание которой обязательно³⁹. В этой ценности заключено начало высшего порядка мирового бытия, из него исходят и высшие духовно-нравственные ценности сверх(до)эмпирического плана.

В процессе объективации эти ценности вовлекаются личностью в обыденно-философствующий «оборот», в обыденную практику хозяйствования, которую пытается постигать и объяснять наука. Но её *определенческая ущербность*, которую наконец-то

³⁴ Именно этого не может понять прозападная, прежде всего американизированная экономическая теория, ибо «у американцев предельно неразвита внутренняя жизнь. Ее сознательно заглушают, заговаривают этой вот «круговой порукой» (круговая порука того социального микроорганизма, к которому принадлежишь. – Г. З.). И когда она – внутренняя жизнь – пробивается через все это, человек впадает в самую настоящую панику и бежит к психиатру излечиваться от нее» Шмеман А., прот. Дневники, 1973-1983. 3-е изд. – М., 2009, с. 613).

³⁵ Франк С. Л. Свет во тьме. – М., 1998. С. 85.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 88-89.

³⁸ Там же. С. 90.

³⁹ См.: там же. С. 54.

пытается *изжить* постнеклассическая наука, сводилась к исключению из своего размыслительного поля *духовно-нравственной* сферы – той сферы, где покоятся *смыслы и ценности жизни человека*. Допостнеклассической науке было чуждо, даже *вредно* понимание того, что «истинный, царственный путь совершенствования и нравственного обновления человечества лежит не в обвинении других, а в *покаянии и самоисправлении*, в движении внутреннего притока сил добра и правды, в обновлении *изнутри*, которое заменяет внешнее поклонение букве, правилам и принципам, выродившимся в неправду, восприятием духовной правды и служением ей»⁴⁰. Поиск и объяснение чего-то, лежащего *вне* самого человека, его *внутреннего ценностного ядра*, неизбежно обрекает науку на постоянную *схоластичность* и *практическую ущербность*⁴¹, ибо исследуется не то «пространство», где зарождается хозяйство и хозяйствование; анализируется *вторичное*, производное поле всегда *искаженных* процессом объективации зеркал, а потому-то и результаты такого понимания весьма плачевны как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

Новое понимание богатства в истинной форме – человечности выводит постижение на необходимость обращения к «Благой вести», имеющей неизмеримо большее значение «для современных людей, вообще потерявших веру и сознающих себя беззащитными сиротами, брошенными в чуждый, враждебный мир», осознающих, что «мы как бы висим над бездной, в которую обречены провалиться, или что мы – игрушка равнодушных, бесчувственных сил природы (включая в последние и слепые человеческие страсти). В отношении этого жизнечувствия «благая весть» о «царстве Божиим» как искомой и вечной родине или почве человеческого бытия есть некий абсолютный переворот, сменяющий страх и безнадежность прямо противоположным радостным чувством полной обеспеченности нашего бытия»⁴². Метафизическое жизнеощущение сознающих себя нищими и бездомными скитальцами в мировом бытии в «благой вести» становится открытием «неведомого дотоле богатства, неожиданной прочности и обеспеченности нашего бытия. Благая весть в этом аспекте, т. е. в плане постоянного, вечного состава человеческого бытия, как бы *sub specie aeternitatis*⁴³, - есть весть о нашем неотъемлемом обладании неким безмерным богатством... Это есть весть о той *глубинной реальности* в обладании человеческой души, открытие которой сразу опрокидывает обычную трагическую ситуацию нашей жизни, истинно спасает нас, даруя нам покой и радость прочного, обеспеченного бытия в родном доме»⁴⁴. Не в русле ли неосознанного подступа к необходимости осмысления Благой вести некоторые экономисты обратились к исследованию проблемы *счастья*, но не как постижения метафизических глубин, сакральной сути целостной жизнедеятельности человека, а через *поверхностно-количественный индексный* подход, который на поверку оказывается лишь очередным *концептом* реального непонимания счастья⁴⁵? Не это ли еще один наглядный пример того, что в искусственном информационно-виртуальном мире *непонимание* превращается в *субстанцию*, у-ничто-жающую человека и реальный мир?

Понимание этого необходимо, прежде всего, потому, что, говоря о действительной реактуализации политической экономии, *нельзя* оставаться в *прежнем формате* поверхностного, внешнего, *концептного мышления*: здесь любая реактуализация неизбежно

⁴⁰ Франк С. С нами Бог. – М., 2007. С. 271.

⁴¹ Весьма интересное объяснение схоластичности, а, следовательно, и краха социальных наук дано в статье: Гиренок Ф.И. Почему закатилась звезда социальных наук? // Философия хозяйства, 2008, № 3.

⁴² Франк С.Л. Свет во тьме. – М., 1998. С. 80-81.

⁴³ С точки зрения вечности (лат.).

⁴⁴ Франк С.Л. Свет во тьме. – М., 1998. С. 81.

⁴⁵ Совсем не удивительно будет, если в ближайшие годы за поверхностное наукообразное индексирование счастья, по сути - за *втюхивание* в общественное сознание *непонимания* экономических реалий, присудят по политико-апологетическим соображениям очередную Нобелевскую премию по экономике.

обернется движением *в тупик*, чреватым ещё более реально-всеохватной, чем ныне, *кризисностью-катастрофичностью* человека и мира. Не преодолев уже ставших за последние четверть века привычными *стереотипов* мышления, не поняв и не приняв *личность* как исходную точку-начало постижения-активности в творчестве хозяйственной жизни, политическая экономия будет лишь *иллюзорно имитировать* нечто, выдавая поверхностное за сущностное, создавая ярлыки-институты, по сути - игровых клонов, населяющих виртуальный мир атмосферы профессорских кабинетов. Этот виртуализированный «дом» может быть и гламурно красив, и кибенематически рассчитан-смоделирован, и графически почти безукоризен-привлекателен, и институционально-меблировально обставлен, и потребятски-маркетингов(н)о обэфирен, но *жить реальному человеку* в нём всё же будет *невозможно* из-за его изначальной *бес-жизненности*. Он будет лишь научно *воображаемым* памятником *пустоте* бес(пост)человечности.

Важно понять, что *игра* в экономическую теорию как какое-то *поверхностно-видимое*, во многом *самоцельное* явление⁴⁶ *закончилась*, ибо главная проблема современного человечества – проблема **спасения**, выживания **человека**, а ее понимание и пути решения заложены на сущностном, субстанциональном уровне. Но вся беда в том, что сегодня *нет плодотворного* течения современной *научной мысли*, в котором присутствовала бы *изначальная* направленность на *служение человеку*, защиту *человечности*. И без углубления во *внутренний* мир, углубления в сущностные уровни и понимания человека, не может быть и практического делания, исходящего из сущности, из смыслов, из необходимости *сохранения-дления жизни* и *благостного хозяйствования* человека. Если это поймут ученые, прежде всего сами *политэкономы*, то дверь в посткризисный мир начнет открываться; если – нет, то и катастрофа неминуема. В этом и есть не поверхностный, сотворенный запрограммированными «старателями» корпорации РЭНД, неолиберальный «оптимальный выбор»⁴⁷, а выбор фундаментальный, жизненно основательный.

⁴⁶ Во многом оно способствует тому, что в области экономической науки, прежде всего экономической теории, «некомпетентность, будучи стандартизированной, превратилась в существеннейшую часть профессионального превосходства. У нас больше нет некомпетентных профессионалов, у нас есть профессиональная некомпетентность» (Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. – М., 2010, с. 260).

⁴⁷ См.: Абелла А. Солдаты разума. – М., 2009. С. 312-313.